

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-5-224-232

ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Эмилбек Каримович Дуйшовев

Баткенский государственный университет, Баткен, Кыргызстан

duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Аннотация. *Целью исследования* является анализ генезиса евразийского проекта в рамках осмысления отечественными философами сложившихся социальных и геополитических реалий на протяжении российской истории.

Источники информации и методология исследования определяются характером исследования и содержат основные положения и обобщения российской отечественной мысли в контексте обретения Россией статуса в мировой политике. Соответствующим образом к ним можно отнести работы отечественных исследователей прошлого и нынешнего периодов, связанных с влиянием смены исторических эпох и направленных на выявление цивилизационного и политического факторов в развитии евразийского проекта.

Результаты исследования. *Достигнутыми результатами исследования* можно считать понимание необходимости осмысления евразийского проекта в контексте развития российского государства как направленного на экспансию (освоение евразийского пространства) и дилемму «восток-запад», определяемую с одной стороны утверждением России в качестве европейской державы, с другой — в качестве многонационального поликультурного государства, связанного с объединительной мыслью народов Евразии.

Перспективы использования результатов. *Полученные обобщения и оценки* способствуют накоплению категориального инструментария в анализе реальных путей интеграции народов Евразии, в частности киргизского общества, где культурно-цивилизационные и культурно-исторические особенности способствовали мирному развитию в предшествующий период и ориентируют на определение оптимальных путей развития киргизского государства и общества в настоящем и будущем.

Ключевые слова: *евразийский проект, евразийство, цивилизация, империя, советский период, политические элиты, общественное сознание*

Для цитирования: *Дуйшовев Э.К. Евразийский проект в историческом контексте: социально-философский анализ // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 5. С. 224–232. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-224-232>.*

Original article

THE EURASIAN PROJECT IN THE HISTORICAL CONTEXT: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Emilbek K. Duishoev

Batken State University, Batken, Kyrgyzstan

duyshoyev1980@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2919-4497, WoS Research ID: AAE-6635-2022

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the genesis of the Eurasian project within the framework of the understanding by Russian philosophers of the prevailing social and geopolitical realities throughout Russian history.*

The sources of information and the methodology of the study are determined by the nature of the study and contain the main provisions and generalizations of Russian national thought in the context of Russia's status in world politics. Accordingly, they include the works of Russian researchers of the past and present periods associated with the influence of the change of historical epochs and aimed at identifying civilizational and political factors in the development of the Eurasian project.

The results of the study. The achieved results of the study can be considered an understanding of the need to comprehend the Eurasian project in the context of the development of the Russian state as aimed at expansion (development of the Eurasian space) and the East-West dilemma, determined on the one hand by the assertion of Russia as a European power, on the other — as a multinational multicultural state associated with the unifying thought of the peoples of Eurasia.

Prospects for using the results. The obtained generalizations and assessments contribute to the accumulation of categorical tools in the analysis of the real ways of integration of the peoples of Eurasia, in particular the Kyrgyz society, where cultural and civilizational and cultural-historical features contributed to peaceful development in the previous period and orientate to determine the optimal ways of development of the Kyrgyz state and society in the present and future.

Keywords: *Eurasian project, Eurasianism, civilization, empire, Soviet period, political elites, public consciousness*

For citation: *Duishoev E. K. The Eurasian project in the historical context: socio-philosophical analysis // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(5): 224–232. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-224-232>.*

Введение. Необходимо отметить, что в рамках рассмотрения евразийского проекта встает вопрос о его генезисе, что подтверждает единство исторического и логического при осмыслении евразийского процесса. Также следует подчеркнуть, что евразийство не является заданным параметром развития России и постсоветских государств, а проявляется в зависимости от внутренних российских факторов, выявления его положения в культурно-цивилизационном и геополитическом измерениях и от внешнего, связанного отношениями с остальным миром. В этом

смысле евразийский проект не столько является умозрительной, интеллектуальной конструкцией, сколько развивается в зависимости от логики национальных интересов, определяется тем, в какой степени политическая элита и общественное сознание резонируют на явления, которые лежат в рассматриваемой плоскости, поэтому для нас важно выявить генезис евразийства, совпадающий или не совпадающий с логикой его развития.

Руководствуясь единством исторического и логического, мы полагаем, что генезис евразийства определяется принятием

концепции нелинейного развития, отказа от исторического провиденциализма и вместе с тем признания определенных закономерностей, тенденций, ослабевающих или набирающих силу, в рамках формирования евразийских ориентаций и интенций в политическом и социокультурном пространстве. Здесь можно проследить аналогию процессу глобализации, который уже существовал как явление в античную эпоху и ослабевал в период средневековья. Правда, не следует забывать крестовые походы, торговые отношения, обмен культурными ценностями, что видно по сохранению античного наследия арабскими мыслителями, но выявилось в форме колониализма, как подчеркивает российский исследователь колониализма и империализма Б. Ю. Кагарлицкий [8].

Методология исследования. Советские историки поставили в качестве рубежа Нового времени великие географические открытия, реформацию, английскую буржуазную революцию. Есть определенное рациональное зерно, которое нацеливает на процессы глобализации в рамках перехода от империи к империализму в контексте становления буржуазных держав как империй. Если обращаться к исследуемой нами теме, Российская Империя, хотя и имеет рубеж в политике Петра Великого, становится таковой только в процессе выхода на евразийское пространство, мирного или иногда немирного освоения новых территорий и их присоединения к России.

Требуется отметить тот факт, что Российская Империя как многонациональное и многокультурное образование отличалась и оставила свой след в истории тем, что имела существенное различие по сравнению с другими имперскими образованиями — Британской, Австро-Венгерской и Османской империй. Мы будем останавливаться на анализе, выводя в определенный самостоятельный цикл Османскую империю, где были до конца XVIII в. реализованы принципы выделения вассальных территорий и дискриминации по этноконфессиональному признаку в политическом контексте. В Османской империи элиты не могли быть не османскими, подчинялись принципам неосманства как толерантности на уровне отдельных сообществ, о чем писал американский исследова-

тель М. Уолцер [15]. Но на уровне общеимперских институтов их активность и влияние определялись включением в систему установок на господство ислама, султаната, ограничения налогов в политической активности иноверцев, лояльности к миссии Османской империи как империи правомерных.

Для Британии и Франции, вступивших на путь империализма (Англия XVIII в., Франция XIX в.), был присущ несколько иной подход, связанный с осознанием своей колониальной миссии, с тем, что английский ученый Р. Смит определил [14] как необходимость просвещения народов, которые считались нецивилизованными с точки зрения буржуазного права и морали. В этом контексте можно говорить о некоторых различиях между британской и французской моделями.

Первая была направлена на институциональные механизмы господства Британской империи, чтобы подготавливать соответствующий аппарат из местных элит, не сокращать дистанцию между британскими поданными и местными элитами, оставлять им место для относительной самостоятельности, но не преследовать, с целью сделать покоренные народы частью полноправных граждан империи.

Вторая — французская — модель подражывала более гибкий «республиканский» подход, связанный с необходимостью закрепления традиционных форм колониальной организацией и преимуществ в просвещенной расе с определением включения, по крайней мере, местных элит во французский политический и правовой дискурс, с привитием культуры франкофонии посредством перехода этих территорий в статус автономии заморских территорий.

Россия как империя сталкивалась с вызовами Запада и Востока. Запад стоял на позиции проведения красной цивилизационной линии, где Россия воспринималась как носитель экспансионистской идеи третьего Рима, отстаивания рубежей православной цивилизации. А на востоке Британия, опасаясь продвижения России вглубь евразийского континента, проводила крайне лицемерную и обструкционистскую политику по отношению к Российской Империи, что нашло наибольшее воплощение в Крымской войне 1853–55 гг., где целью была не помощь Османской империи в борьбе с Россией в кон-

тексте освобождения балканских народов, а создание широкой коалиции для ослабления политической и военной мощи России, постановка барьеров на пути ее продвижения не только на европейском континенте в Балканах, но и в восточном направлении. Фактически это была первая геополитическая схватка в попытке установления однополярного мира по британскому варианту.

Об этом говорил в своих работах Н. Я. Данилевский [4]. Он подчеркивал, что ни отдельные люди, ни целые народы не могут в старости переродиться и начать жить иным образом, исходить из новых начал, стремиться к другим целям. Необходимо, чтобы культурородная сила не иссякла [4]. Что имел в виду русский мыслитель? Для него важным стало то, чтобы имперская идея включала в себя культуру, утверждала, какой бы сложной ни представлялась проблема, соединение идеи империи с признанием многокультурности. Эта идея поддерживалась русскими мыслителями, среди которых апологетика узкого национализма не была сформировавшимся явлением. Русские националисты находились на периферии духовной жизни, следовательно, можно говорить о том, что имперский период выявил, особенно к началу великих потрясений XX в., внимание на необходимость перерождения и трансформации империи.

Действительно, речь шла о достаточно неоднозначном процессе в колонизации Средней Азии и Кавказа, но в этом направлении проступали черты единения консолидации. Как отмечал современный исследователь Б. Рахимзянов [12], даже в период обострения отношений между Москвой и татарским миром, еще в XVI–XVII вв. отсутствовал глубокий принципиальный антагонизм между народами. Естественно, здесь нельзя проводить основательных аналогий, но отметим, что основные интенции евразийства проявились в период продвижения России на восток, а самое главное — опыт русско-татарского общения стал в определенной степени ориентированным на создание атмосферы если не бесконфликтности, то стремления к взаимопониманию [12]. Отмечаем, что не следует сбрасывать со счетов влияние внешних сил — Британской, Османской и Австро-Венгерской империй,

в российско-имперском проекте эти отношения не рассматривались в рамках несогласия преследования и инакомыслия. То, что сейчас называется формулой мультикультурализма, — вынужденная, но не содержащая отказа от принципиальных положений модели паритетных отношений, избавления от шовинизма и эгоизма, концепция [15].

В таком контексте становится очевидным, что имперский опыт являлся противоречивым с точки зрения существования военно-бюрократического государства, нежелания идти на фундаментальные, конституционные изменения и одновременно являлся по объективным последствиям принятием иной политики в рамках освоения новых территорий в общеевразийском пространстве. Собственно, в имперский период Россия и вышла на пределы евразийства. Ее остановка — введение стоп-режима на границах со средней Азией и Дальним Востоком — определялась не только нежеланием вступить в конфликт с Британской империей. Вероятно, здесь срабатывала формула обеспечения управляемости и контроля, ресурсный потенциал Российской Империи, ее следование принципу концентрации сил. Нужно отметить, что этот процесс был не безболезненным, но следует учитывать, что в этот период России приходилось фактически вести войну на двух направлениях — Европейском и Восточном.

Таким образом, евразийский проект не был оформлен концептуально на уровне общегосударственной политики, но реализовался реально в рамках оценки ресурсного потенциала, учета внутренних и внешних рисков и необходимости формирования имперского сознания как постепенного и осторожного включения новых народов на уровне проведения мягкой политики с сочетанием методов военного администрирования. Ярким примером интеграции являлась Грузия. Грузинское дворянство практически вошло в состав российской политической элиты, но в то же время нельзя забывать о том, что политика «имперства» конфликтовала с мощными национальными движениями (польский, финский и грузинский вопросы), связанными с границами политической и культурно-языковой ассимиляции, паритетом автономности и централизованности.

Содержание исследования. Выше мы подчеркивали, что идея евразийства обрела определенные контуры, когда выявилась тенденция осмысления, а затем и реализация евразийского проекта. Разумеется, здесь нельзя говорить о преддетерминизме, о некоем объективном, не зависящем от субъектов исторического процесса, действии. Вероятно, более корректно отметить, что логика евразийского проекта, имея ясные концептуальные очертания в философии евразийства, где рассматривались основные принципы построения евразийского пространства, имела, как подчеркивалось не раз, конкретные основания в движении русской интеллектуальной мысли в предшествующий период, собственно, с того времени, когда Россия стала евразийской державой.

Этот факт мог быть не замеченным на фоне рассуждений о том, в какой степени Россия относится к Европе и является частью европейской цивилизации, но, как можно убедиться из работ Н. Я. Данилевского [4], уже в этот период теория культурно-исторических типов практически указывала на то, что Россия как экономико-хозяйственный организм относится к Евразии и не только природно-климатически, но и культурно-исторически, что развитие российского государства (а здесь был преподнесен достаточно горький урок в виде итогов Крымской войны) определяется не только построением коллективным Западом оборонительного «вала» против Российской Империи на тот момент, но и тем, что на востоке были поставлены преграды мирной, а иногда и военной экспансии России в виде Британской империи.

Нужно отметить: фоновые обстоятельства способствовали тому, что в интеллектуальной сфере идея евразийства имела определенные моменты, связанные с необходимостью на пути к продвижению евразийства выяснить, каковы внутренние факторы, способствующие или препятствующие распространению евразийской идеи. Н. Я. Данилевский [4], произведения которого мы не раз осмысливаем в постсоветский период, все-таки оставался на периферии интеллектуальной мысли, воспринимался в большей степени публицистически, чем мыслительно. Иными словами, русская интеллигенция не видела в евразийстве то плодотворное, на чем можно сосредото-

точиться для обоснования реформирования внутренней русской политики, придания широты русской идеи. На Западе Россия воспринималась как страна, не принадлежащая к европейской цивилизации, в той же Франции до сих пор говорится о признании русской культуры, о том вкладе в европейскую культуру, который внесли русские писатели, артисты и художники. Нужно отметить, как писал забытый немецкий исследователь В. Шуберт [18], что душа России так и не понята в Европе. Россия воспринималась как пространство полуцивизованности того, что может восприниматься европейцами только по мере ее европеизации, сохранения ее культурной традиции как «миллой архаики».

Нужно отметить, что идеи евразийства были созвучны провозглашенной славянофилами концепции соборности, но поднять этот уровень до осознания сопринадлежности всех народов России не удалось. Вот почему важный момент, связанный с постсоветским периодом, состоит в следующем: как утверждает немецкий исследователь А. Каплер в своем труде «Россия — многонациональная Империя» [9], что несмотря на укрепление и рост русской образованной верхушки, Россия не могла отказаться от сотрудничества с нерусскими элитами (европейскими). Уже в начале XX в. основной пункт в размышлениях В. И. Иванова и Е. Н. Трубецкого был обращен к новому национальному мессианизму, к тому, что можно говорить о всенародности в контексте исторической миссии России, к тому, что народности не упраздняются, а соединяются [13].

Таким образом, можно сделать определенный вывод о генезисе идеи евразийства и ее трансформации в евразийский проект как результате духовных и интеллектуальных исканий русского образованного общества. Естественно, здесь нельзя не отметить, что действовал мощный посторонний фактор, связанный с внутренними противоречиями, с расколом общества и старых элит. При этом не следует утверждать, что царская Россия не обращала внимания на завоевания XIX в., действовала военно-административная система, вносились определенные элементы культурной и экономической колонизации, вместе с тем целый массив народов России был вне государства, управлялся на уровне

местных элит, к тому же существовали такие полуфеодалные образования, как Бухарское и Хивинское ханства. В XIX в. были выстроены административные центры, которые не только являлись структурами управления, но и содержали определенный потенциал общения между народами, населяющими Россию, — Ташкент, Бишкек, Верный. Следует также отметить, что при содействии русской администрации и русской интеллигенции формировались местные элиты. Не следует идеализировать ситуацию, поскольку для народов, населяющих евразийское пространство, проявлялись конфликты по поводу распределения хозяйственной деятельности (земля, вода), по попыткам русификации образования, но позитивное перевешивалось в том, что действовали тенденции сотрудничества на локальном уровне, закладывались сети взаимного общения.

Однако, можно отметить, что генезис евразийства является достаточно сложным и противоречивым интеллектуальным процессом. Подчеркнем, что евразийство как философское и политическое течение было скоротечным, просуществовало только десять лет и не нашло отклика в новой советской России, занятой проектом создания советского многонационального государства. В евразийской интенции, как мы отмечали, наблюдались в глубине советской реальности и на первый план выступали факторы внутренней и внешней политики Советского Союза, когда в середине 30-х гг. вместе с процессом оформления Советского Союза (в том виде, в котором он существовал до 1990 г.) советская власть была нацелена на два фронта — великорусский шовинизм и местный национализм. Отсюда резкие, хотя и объяснимые в контексте эпохи, скачки от политики коренизации к претворению реалей жесткой централизации, созданию бюрократического государства. Эти изменения могут вызывать удивление своими сжатыми историческими сроками, но сам план ускоренной мобилизационной модернизации, индустриализация, коллективизация, культурная революция определялись логикой построения мощной державы, способной противостоять капиталистическому миру. В этих условиях евразийство могло попадать под статью антисоветского движения и практически все изыскания

в сфере евразийства, как отмечалось ранее, были заблокированы. И когда наступила эпоха поздней перестройки, когда руководство Советского Союза, пойдя на определенную либерализацию, политику гласности, оказалось беспомощным перед тем, чтобы ввести в управляемое русло центробежные тенденции, найти формулу реального договора с национальными элитами, выяснилось, что отсутствие серьезных обоснованных изысканий по евразийскому проекту привело к неэффективности проводимой центром политики. Предлагаемый обновленный вариант советской государственности, «новый договор», о котором говорят, как о несбывшейся альтернативе распаду Советского Союза, на наш взгляд, содержал позитивные сдвиги в переходе к реальной федерализации, но одновременно в нем не был совершен коренной переход к созданию единого евразийского пространства, особенно в условиях прогрессирующего распада экономических связей, чрезмерных надежд и в России, и в других советских республиках, возможности разойтись и «жить счастливо».

По истечению тридцатилетней давности можно уже подводить определенные итоги, связанные с тем, что с конца 90-х гг. XX в. с формированием реальных национально-государственных структур на постсоветском пространстве в массовом сознании стал актуален вопрос о новой модели интеграции. Как отмечают исследователи сборника «Интеграция в Евразии», только профессионального интереса и культурной близости было недостаточно для появления на постсоветском пространстве исследовательских институтов, ориентированных на международное сотрудничество [7].

Необходимо отметить: переход к реальности евразийского проекта связан с тем, что в современном глобальном мире государства СНГ, хотя и отличаются по определенным социально-экономическим и политическим показателям, находятся на позициях периферийного капитализма, по мнению исследователя марксиста Б. Кагарлицкого [8]. На наш взгляд, в его исследовании, хотя с ним и не во всем можно согласиться в связи с переносом теории на российскую действительность, содержится весьма обоснованный аргумент, что для выхода из системы периферийного

капитализма из сложившейся системы международного разделения труда как поставщика сырьевых ресурсов евразийский проект должен наполниться конкретным содержанием, связанным с не с реконструкцией сложившихся систем в прошлом, а с возможностью найти новые точки роста [8]. Особенно следует учитывать, что высокоресурсные государства СНГ (Россия, Казахстан) в состоянии перейти от моноэкономики и экономики развития, если найдут точки соприкосновения с государствами, обладающими кадровыми ресурсами (Белорусия, Киргизия). Мы не будем вдаваться в чрезмерные уточнения, важным является то, что евразийский проект стимулировался потребностями экономической интеграции, созданием системы двусторонних и многосторонних отношений, позволяющих использовать имеющиеся преимущества евразийского пространства. В этом смысле также важно осознать необходимость стыковки интеграционных процессов, их синхронизации, возможности работы над институциональным оформлением. Этот момент обращает наше внимание на то, что идея евразийства должна из интеллектуального продукта превратиться в экспертизу реальных стартовых и перспективных условий евразийской интеграции как основного вектора развития воплощении идеи евразийского проекта в реальность.

Резюме. На основании вышеизложенного можно подвести определенное обобщение относительно оценки того, каково содержание генезиса евразийского проекта, который, как мы уже подчеркивали, является исходным в понимании нынешних проблем и перспектив российского общества на пути модернизации в евразийском пространстве в эпоху глобальной политики и экономики. Очевидно, что евразийский проект не возник в XX в., его исторические обоснования уходят вглубь русской интеллектуальной мысли. Это вызвано, прежде всего, внутренней логикой развития культурно-духовной и интеллектуальной сфер, тем, что для российского общества выход в Евразию является не аспектом колонизации, освоения физического пространства, здесь речь идет об осмыслении места России в прошлом и современности, связи с мировыми культурами и цивилизациями, о том, является ли историческое наследие для российского общества базовым и какова миссия России в современном мире.

В качестве второго вывода можно сказать, что этот процесс проходил на фоне резких общественно-политических трансформаций, которые испытал мир в эпоху современности. Если Россия эпохи Петра «прорубает окно в Европу», то в XIX в. обозначается евразийский тренд, когда возникает новое геополитическое качество, связанное (и это нельзя отрицать) с мирной колонизацией евразийского пространства. В допетровскую эпоху Россия сделала шаг на пути закрепления рубежей в Поволжье, Урале, Сибири. Возник комплекс отношений между русским и другими народами, особенное значение имеет включение в этот ряд народов, исповедующих исламские ценности.

Также для нас важно подчеркнуть в качестве третьего вывода, что этот процесс осмысливался русской философской мыслью на основе включения инструментария культурно-исторических типов, размышления, которые были даны Н.Я. Данилевским в его замечательном труде «Россия и Европа» [4]. Этот процесс нельзя отметить однозначно, нельзя сказать, что российская философская мысль сделала поворот к евразийству под влиянием взглядов Н.Я. Данилевского, скорее, это был процесс, не заметный внешне, но оказавший сильное влияние на предопределенность идеи евразийства в философии славянофилов (А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский) [16; 1; 10] и особенно в рамках русской идеи, когда выявилось, что для русского общественного сознания важны ее всемирность, признание себя частью Европы в качестве моста между цивилизациями.

Заключение. В современном социально-философском знании актуализируется проект «Евразийство» на исследовании смыслового наполнения идеей социальной справедливости, социального порядка, социально-культурных ценностей. Следует также отметить важный четвертый вывод, когда мы говорим о современных перспективах евразийства — важно не утратить социально-ценностную составляющую того, что является результатом исторической памяти, перехода от воспроизведения обыденного сознания к пониманию взаимо-

зависимости современного мира. Влияние на векторность цивилизационных импульсов и в эпоху постглобализма современного общества становится таковым, как пишет российский исследователь В. С. Малахов [11].

Очевидным является (и это важный следующий момент) преобразование понимания генезиса идеи евразийства в контексте ее перехода к реальным процессам, происходящим в пространстве, обозначаемом Евразией. Таким образом, Евразия из физического понятия превращается в социально-экономическое с множеством действующих субъектов на уровне многосторонних и двусторонних отношений.

Список источников

1. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2009. 603 с.
2. Алексеев Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2000. 635 с.
3. Габдуллина В. И. «Пушкинская» речь Ф. М. Достоевского (к вопросу о жанре) // Культура и текст. 1999. №5. С. 159–166.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 556 с.
5. Дугин А. Основы геополитики. М.: Арктоген центр, 1991. 928 с.
6. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия. История теории и практики. М.: Праксис, 2007. 285 с.
7. Интеграция в Евразии: народ и элиты стран ЕЭП: сборник статей. М.: Европа, 2006. 145 с.
8. Кагарлицкий Б. Ю. От империи к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 80 с.
9. Каплер А. Россия — многонациональная Империя. М.: Прогресс — Традиция: Традиция, 2000. 342 с.
10. Киреевский Е. В. Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002. 662 с.
11. Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М.: Университет книжный дом, 2007. 252 с.
12. Рахимзянов Б. Москва и татарский мир. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.
13. Русская идея: сборник. М.: Республика, 1992. 494 с.
14. Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. 396 с.
15. Уолцер М. О терпимости. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
16. Хомяков А. С. Всемирная задача России. М.: Благословение: Институт русской цивилизации, 2011. 782 с.
17. Черкасов Н., Чернышевский Д. История императорской России. М.: Международные отношения, 1994. 448 с.
18. Шуберт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 446 с.

References

1. Aksakov K. S. Gosudarstvo i narod [The state and the people]. Moscow: Blagoslovenie: Institut russkoj civilizacii, 2009. 603 p. (In Russ.).
2. Alekseev N. Russkij narod i gosudarstvo [The Russian people and the state]. Moscow: Agraf, 2000. 635 p. (In Russ.).
3. Gabdullina V. I. «Pushkinskaja» rech' F. M. Dostoevskogo (k voprosu o zhanre) [«Pushkin's» speech by F. M. Dostoevsky (on the question of genre)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text]. 1999; (5): 159–166. (In Russ.).
4. Danilevskij N. Ja. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1991. 556 p. (In Russ.).
5. Dugin A. Osnovy geopolitiki [Fundamentals of Geopolitics]. Moscow: Arktogen centr, 1991. 928 p. (In Russ.).
6. Il'inskaja S. G. Tolerantnost' kak princip politicheskogo dejstvija. Istorija teorii i praktiki [Tolerance as a principle of political action. History of theory and practice]. Moscow: Praksis, 2007. 285 p. (In Russ.).
7. Integracija v Evrazii: narod i jelity stran EJeP: sbornik statej [Integration in Eurasia: the people and elites of the CES countries: a collection of articles]. Moscow: Evropa, 2006. 145 p. (In Russ.).
8. Kagarlickij B. Ju. Ot imperii k imperializmu. Gosudarstvo i vzniknovenie burzhuaznoj civilizacii [From empire to imperialism. The State and the emergence of bourgeois civilization]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShJe, 2010. 80 p. (In Russ.).
9. Kapler A. Rossiya — mnogonacional'naja Imperija [Russia — multinational Empire]. Moscow: Progress — Tradicija: Tradicija, 2000. 342 p. (In Russ.).

10. Kireevskij E.V. Razum na puti k istine [Reason on the way to truth]. Moscow: Pravilo very, 2002. 662 p. (In Russ.).

11. Malahov V.S. Gosudarstvo v uslovijah globalizacii [The state in the conditions of globalization]. Moscow: Universitet knizhnyj dom, 2007. 252 p. (In Russ.).

12. Rahimzjanov B. Moskva i tatarskij mir [Moscow and the Tatar world]. Saint Petersburg: Evrazija, 2016. 396 p. (In Russ.).

13. Russkaja ideja: sbornik [Russian idea: collection]. Moscow: Respublika, 1992. 494 p. (In Russ.).

14. Smit R. Istorija gumanitarnyh nauk [History of the Humanities]. Moscow: Izdatel'skij dom GU VShJe, 2008. 396 p. (In Russ.).

15. Uolcer M. O terpimosti [About tolerance]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2000. 160 p. (In Russ.).

16. Homjakov A.S. Vsemirnaja zadacha Rossii [The world task of Russia]. Moscow: Blagoslovenie: Institut ruskoj civilizacii, 2011. 782 p. (In Russ.).

17. Cherkasov N., Chernyshevskij D. Istorija imperatorskoj Rossii [History of Imperial Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheni-ja, 1994. 448 p. (In Russ.).

18. Shubert V. Evropa i dusha Vostoka [Europe and the soul of the East]. Moscow: Russkaja ideja, 2000. 446 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.

The article was submitted on 16.06.2022; approved after reviewing on 25.06.2022; accepted for publication on 28.06.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дуйшоев Эмилбек Каримович — аспирант Баткенского государственного университета.
Кыргызстан, г. Баткен, ул. И. Жусупова, 21

Emilbek K. Duishoev — Graduate Student of the Batken State University.
21 I. Zhusupov st., Batken, Kyrgyzstan
